

ЧЕЛОВЕК ЭЛЕКТРОННОЙ ЭПОХИ В РАБОТАХ М. МАКЛЮЭНА

Статья посвящена образу нового человека будущего электронного общества, каким он предстает в трудах канадского философа М. Маклюэна. Этот новый тип человек в ряде своих характеристик напоминает аудиотактильного человека устной культуры, но с включением опыта книжной культуры. Во многих случаях оказывается, что М. Маклюэн предугадал главные особенности общества «глобальной деревни» и ее обитателей.

Ключевые слова: М. Маклюэн, электронная эпоха, глобальная деревня, аудиотактильный человек

Man of the electronic age in the works of Marshall McLuhan. EVGENIY A. YUSIPOV (Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

The article reconstructs the image of a new man of the future electronic society, as he appears in the works of the Canadian philosopher Marshall McLuhan. This new type of man in a number of its characteristics resembles the audile-tactile man of oral culture, but nevertheless draws on the experience of book culture. In many cases, it turns out that McLuhan predicted the main features of the global village society and its population.

Keywords: Marshall McLuhan, electronic era, global village, audile-tactile man

Тема коммуникаций и их влияния на сферы общественной жизни и человека уже много лет является предметом изучения философов во всем мире. Из наиболее интересных и актуальных концепций можно назвать теорию общества Ю. Хабермаса, философию символических форм Э. Кассирера, а также учения о языковых играх Л. Витгенштейна, идеи К. Леви Строса, Р. Барта, М. Бубера, Э. Левинаса, М. Бахтина, Ю. Лотмана, Ж. Бодрийера, П. Бурдьё, Э. Гидденса и др.

Идеи «иконы» 1960-х гг., канадского философа Маршалла Маклюэна (1911–1980), до 1990-х гг. считались на Западе «устаревшими», однако в 1990-е гг. обрели новое звучание, поскольку его пророчества о будущем обществе как «глобальной деревне» и о новом «электрон-

ном» человеке оказались на редкость интересными по многим позициям. Русскоязычная аудитория поздно познакомилась с его трудами: переводы работ Маклюэна на русский язык начали выходить только в 2000-е гг.

Область интересов М. Маклюэна, связанная с медиа, затрагивала социальные, культурологические и философские аспекты данного феномена. При этом, изучая труды Маклюэна, необходимо не упускать из виду его литературные увлечения. Будучи профессором литературы Университета Торонто, Маклюэн написал большую часть своих статей по литературоведению. Биограф У. Гордон в своей монографии характеризует Маклюэна как лингвиста [11], хотя Маклюэн никогда не специализировался в данной сфере. Д. Теолл, один из учеников Ма-

* ЮСИПОВ Евгений Ансорович, ассистент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, yusipov.ea@dvfu.ru

© Юсипов Е.А., 2024

клюдна, в своих работах акцентирует внимание на тяге своего учителя к остроумным трудам Дж. Джойса, что, по мнению многих критиков, делает Маклюэна неоднозначной и противоречивой фигурой. И.Б. Архангельская изучила влияние Дж. Джойса с его шокировавшими тогдашнюю публику темами тела, еврейства, печатных СМИ на творчество канадского философа, который полагал, что без знания текстов Джойса и символистов его теория не может быть до конца понята [1, с. 54–67]. В.П. Чумакова обращает внимание на методологические основания теории М. Маклюэна и ее претензии на тотальность и универсальность, а также на фигуры, творчество которых оказало влияние на концепцию канадского философа [10, с. 215]. Таким образом, даже из беглого перечисления вопросов, возникающих в связи с теорией Маклюэна, очевидно, что труды канадского философа имеют междисциплинарный характер.

В настоящее время существует значительное количество русскоязычных работ о социальной философии Маклюэна, однако многие темы его творчества остаются малоизученными. К таковым относится и тема нового типа человека. Задача настоящей статьи – из «мозаичных» текстов Маклюэна реконструировать его представления о человеке будущего и рассмотреть их в контексте современного знания.

Историю человечества философ делит на три основные этапа: аудиотактильное (устное) общество, книгопечатная цивилизация (книжная, печатная, «галактика Гутенберга») и «электрическое» общество. Продолжением «электрического» общества, по Маклюэну, является электронный социум. Человек электронной эры как бы возвращается в новом качестве (поскольку имеет опыт книжного человека) к типу племенного аудиотактильного человека, полагал философ. Маклюэн не застал возникновения Всемирной паутины, однако во многом предвидел и описал черты нового типа человека – «электрического» и «электронного», «экологического»¹ (сетевое). Естественно, что наиболее подробный анализ, проведенный философом, касается воздействия на человека современных ему «электрических» медиа – телеграфа, радио, телевидения, кино, однако в поздних работах напрямую речь идет и о компьютерах.

Феномен глобальной деревни, согласно Маклюэну, подразумевает упразднение линейных пространственно-временных связей, в резуль-

тате чего связи в мире становятся практически одновременными и сетевыми. Жизнь оказывается предельно инклюзивной: вследствие тесноты взаимодействий люди вовлечены во все процессы, происходящие вокруг них, и в жизнь других людей, а сама новая ситуация крайне повышает их ответственность, к чему они, по всей видимости, не очень готовы. Отметим, что последнее обстоятельство способствовало тому, что сегодня проблема кибербезопасности встала в ряд первоочередных для международного сообщества.

Мы живем в постписьменную – электрическую – эпоху, пишет Маклюэн. «В век электроники, пришедший вслед за длившейся около пяти столетий эпохой книгопечатания и механики, мы сталкиваемся с новыми формами и структурами человеческой взаимозависимости и человеческого самовыражения, которые являются “устными” по своему характеру даже там, где отсутствует словесный компонент» [7, с. 6]. Сегодня мы стремительно возвращаемся в аудиальный мир общего сознания и одновременности событий при сохранении визуальных навыков письменной культуры, при этом культуры с долгим письменным прошлым больше сопротивляются новым электрическим медиа, в то время как те, что оставались в устной культуре или недавно вступили в эру печатной цивилизации, легче и успешнее входят в новый мир. «Мы больше не испытываем трудностей с пониманием сознания туземцев, или бесписьменных народов просто потому, что мы воссоздали его посредством электроники в нашей собственной культуре. (Однако постписьменное состояние есть совершенно иная форма взаимозависимости, чем дописьменное)» [7, с. 69]. О том, что складывается новая аудиальная цивилизация, свидетельствует, в частности, и тот факт, что акцент в культуре смещается с видимого на слышимое: заметим, что словари все чаще легитимизируют именно бытовое произношение и словоупотребление вместо прежней литературной нормы. Если в старых церковных школах, пишет философ, целью изучения грамматики было воспитание грамотной речи, то теперь идет обратный процесс: массовая устная речь диктует свои правила грамматике. Древние греки, утверждает Маклюэн, утратили интерес к примитивному искусству вследствие увеличения роли визуального, а в век электроники он опять возрождается по причине «интерпретации электрического единого поля, где

¹ В кавычках – термины М. Маклюэна.

все происходит одновременно» [7, с. 94]. Абстрактное искусство философ называет «аудио-тактильным» и в этом видит то, что роднит его с первобытным пещерным искусством.

История оказывается теперь нелинейной, и в целом в головах людей крепнет убеждение, что надо исследовать не линейную последовательность, а динамику сил. В пример Маклюэн приводит де Токвиля, сочетавшего в себе черты человека устной и письменной культур и сказавшего, что американцы меньше всего читают Декарта, но в своем индивидуализме больше всего ему следуют. В методологическом отношении, пишет философ, следует видеть мир как целое, а не как множество линейных отдельных фрагментов. Так его и будет видеть электронный человек.

Специализация, как и всякая фрагментация, в особенности при расчете на то, что она будет долговременной, и человек, получив профессию, с ней одной и проживет всю жизнь, уходит в прошлое. Сегодня в развитых странах в сфере занятости и в области образования, начиная со школьного, мы видим именно те тенденции, которые были предсказаны канадским философом. Так, какие-то прежде раздельные предметы школьного обучения сливаются воедино, как и специализации в университетах. Это обосновывается развитием междисциплинарных исследований и необходимостью воспитывать холистическое мышление, хотя данные процессы сопровождаются, как всегда при радикальных метаморфозах, огромным риском утратить старое, накопленное веками знание и не обрести нового.

Маклюэн сетует на затянутый процесс взросления в США и Великобритании – слишком долго, по его мнению, дети там не становятся взрослыми. Для понимания этого замечания философа обратимся к истории вопроса. Когда-то – а именно в эпоху Нового времени, в XVIII в. – Европа открыла детство и юность, т.е. особенности этих возрастов, в то время как раньше дети и подростки считались просто «недовзрослыми». В соответствии с этими представлениями строились системы воспитания и образования. Важнейшую роль играла регламентация жизнедеятельности ребенка, подчинение его дисциплине, что со времени выхода знаменитой книги американского педиатра Б. Спока, под влиянием теории которого выросло несколько поколений в США и Европе, менялось на более мягкие отношения

с ребенком, отказ от жесткого режима дня, поскольку, как считал доктор Спок, нет и не может быть общей теории воспитания, слишком многое зависит от индивидуальности ребенка, которую следует уважать. В новейшее время – по классификации Маклюэна, это период перехода к электронному обществу – большая часть европейских стран заявила об отказе от «индоктринации» в школе и университете как от недопустимого насилия, от «некритического» внушения воспитуемым понятий о норме и девиации – в сущности, об отказе от воспитания, оставив образовательным учреждениям только функцию трансляции знаний. Родился культ ювенильности: юность и молодость стали считаться особым достоинством и как бы заслугой, дарующей привилегии в сравнении с более старшими возрастами. В результате взрослые теперь постоянно жалуются на нигилизм молодежи, носители которого ныне именуется «критически мыслящими личностями», на ее пренебрежение к национальным культурным ценностям, на ее безответственность. Это контекст времени, в рамках которого в своей работе «Понимание медиа» Маклюэн утверждает, что в самых «печатных» странах – в США и Великобритании – процесс взросления затянут, а вот в Европе и в племенных культурах (где главная ценность – тактильность) нет подростков – там совершают прыжок из детства прямо во взрослое состояние. Понятно, что реальная картина оказывается сложнее, чем ее представлял философ.

Интернет открыл перед людьми небывалые возможности, однако принес с собой и новые риски для детей и взрослых. В нем возможны и образовательные блоки, формы взаимодействия, обогащающие человека, и склонение к суициду, реклама наркотиков, порнографии, всякого рода агрессия. Массовый человек XXI в., обретя качества человека сетевого, все так же считает себя компетентным во всех вопросах. Властители дум вообще исчезли из общественной жизни, зато появились «лидеры виртуала» с миллионами подписчиков, чья популярность зачастую вовсе не связана с их компетентностью. Следуя за их мнением, их поклонники склонны отвергать даже научные экспертные точки зрения. Исчезает доверие к истине, само ее существование ставится под сомнение. На место истины ставится мнение как ее равноценный заместитель. Этот процесс стал заметен уже в период постмодерна [5]. А

сегодня на мнение массового человека активно влияет новое явление – постправда. Этот феномен возникает, когда посредством медиа широко распространяется недостоверная или заведомо ложная информация, апеллирующая не к фактам, а к массовым настроениям, поддельные тексты, визуальные образы и аудиозаписи, представляемые как оригинальные. Ныне обычному читателю, зрителю, пользователю стало трудно различить, где сообщения о фактах, а где фейки. Очевидно, так происходит не только потому, что количество фейков, которые раньше распространялись достаточно медленно посредством личного общения через слухи и сплетни, в публичном пространстве значительно возросло. Дело в том, что фейки распространяются через высокоучастные, как сказал бы Маклюэн, средства массовой коммуникации, прежде всего через телевидение и социальные сети.

Как отмечает психолог А.Г. Асмолов, «Интернет дал много позитивных возможностей, расширил видение мира, дал основу для того, чтобы у нас было сравнивающее независимое критическое мышление ... Вместе с тем любая новая технология открывает не только возможности, но и риски» [2]. Многие операции, которые раньше люди производили в уме, теперь передоверяют компьютерам, в результате чего полезные навыки утрачиваются. В качестве примера ученый приводит неумение официанта подсчитать без гаджета, сколько должны заплатить за ужин гости. Другой его пример касается профессии таксиста: если раньше профессионализм водителя определялся, в частности, знанием города, то в эпоху навигаторов они зачастую оказываются беспомощными без них. А.Г. Асмолов полагает, что новая технология – в данном случае электроника – приводит к тому, что «некоторые высшие психические функции начинают трансформироваться» [9].

Новый человек, пишет Маклюэн, синтезируя в себе в снятом виде аудиотактильную и визуальную, устную и печатную культуру, обретает возможность жить плюралистично, т.е. одновременно в разных мирах и культурах, не будучи связан ни одной из них. «По всей вероятности, распределение человеческого потенциала по отдельным культурам станет вскоре таким же абсурдным, каким уже стала специализация в отдельном предмете или дисциплине» [7, с. 46–47]. В определенном смысле это предсказание сбылось: трудовая миграция в мире при-

обрела небывалые масштабы. Однако философ не учитывает здесь коренную человеческую потребность в самоидентификации, в принадлежности к более широкому кругу людей, которая воспринимается как ценность. Если человек не идентифицирует себя ни с одной культурой, он оказывается везде чужим, а не своим. Недаром постмодернисты пытались изгнать само понятие «чужой» из лексикона культуры, что им, разумеется, не удалось, поскольку понятия «свой» и «чужой» являются соотносительными, как правое и левое, плюс и минус и др. [6, с. 39].

Маклюэн также ссылается на П. Тейяра де Шардена, который, указывая на происходящие с миром превращения, на будущую ноосферу, которую сам Маклюэн понимал, как экстернизацию человеческих чувств, как вынесенную вовне центральную нервную систему, как технологический мозг мира, подчеркивал возрастающую ответственность человека за все происходящее. Мир стал компьютером, а не библиотекой. При этом, как указывает Маклюэн, возможности Большого Брата неизмеримо расширяются – так, что утаить что-либо практически невозможно: любая приватность может быть нарушена, любые связи в объективной реальности могут быть сформированы или, напротив, разрушены, любые тайны могут стать доступны чужому глазу и уху. Если человечество не осознает эту динамику «тесного мира племенных барабанов» и не научится управлять такими процессами, его ждут страшные времена, полагает философ, – времена высокой тревоги и беспрецедентный рост насилия.

Если грамматика теперь копирует «улицу», а специалисты спешат узаконить часто встречающиеся на письме ошибки, то нечто схожее происходит и с числом. Маклюэн считает, что «число само по себе есть аудиотактильный код, и оно приобретает смысл лишь в высокоразвитой культуре фонетического письма как его дополнение. Буквы и числа вместе образуют, так сказать, мощную систолодиастолическую машину для перевода и обратного перевода форм человеческого сознания в системе «двойного перевода», подобную той, что так привлекала гуманистов эпохи Возрождения. Однако сегодня число как форма организации и применения опыта и знания устарело так же, как и фонетический алфавит. Век электроники – это постписьменная и постчисловая эпоха. «...Даже счет на пальцах – это уже вид абстракции или отделения тактильного от других чувств, тог-

да как предшествующая ему система «да-нет» представляет собой более «целостную» форму мышления. Именно такими являются современные компьютеры, которые пользуются двоичным числовым кодом и благодаря которым стала возможной структурная физика Гейзенберга» [7, с. 263–264]. На смену людям буквы и числа пришли люди «да-нет».

Маклюэн выдвигает идею об управлении чувствами человека, расширением которых являются технологии, посредством компьютерного программирования [7, с. 128]. Он убежден, что можно вычислить наиболее благоприятное соотношение чувств, которое будет релевантно каждой новой технологии в науке и в искусстве.

Характеризуя привязанность людей к прессе, Маклюэн говорит о том, что она дарит славу кому попало, так что читатель превращается в автора: он видит в прессе свой собственный собирательный образ, а потому требует от нее все более низких жанров, все большего соответствия самым непритязательным вкусам. Эта характеристика с полным основанием может быть отнесена к сетевому человеку, который и в самом деле превратился в автора в соцсетях, даже прежде вполне пристойные сегменты которых все чаще деградируют. С другой стороны, нельзя не отметить, что интернет предоставил широчайшие возможности для творчества и распространения его плодов среди пользователей. В условиях кибернетизации – состояния мгновенной информации – каждый становится производителем новостей или сам становится собственной новостью. В его жизни сосуществуют и смешиваются прежде совсем разные сферы: производство, информация и обучение.

Электрические медиа – телеграф, телефон, радио, телевидение, кино – возвращают человека к simultaneity. В еще большей степени это относится к электронной эпохе. Этим, в частности, философ обосновывает особую ответственность электронного (сетевого) человека: «Если современный человек чувствует себя обязанным соблюдать пунктуальность и беречь время, то племенной человек нес на себе ответственность за постоянное снабжение энергией космических часов. От электрического, или экологического, человека (человека тотального поля) можно ожидать, что он превзойдет староплеменную космическую заботу о заключенной внутри него Африке» [8, с. 176].

Для сетевого человека практически перестают существовать пространство и время. «Се-

годня, – пишет Маклюэн в 1964 г., начиная свой текст «Понимание медиа», – когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы» [8, с. 5]. Таким образом, глобальная деревня с ее обитателями, электронными людьми, – это искусственный интеллект в масштабах планеты, это вынесенный вовне мозг человечества как коллективного существа. «Гомогенизированный социальный человек», порожденный книжной культурой, исчезает. Происходит как бы взрыв вовнутрь – мир сжимается, и люди вынуждены нести ответственность за свои действия и их последствия. Сетевые люди глубоко вовлечены в жизнь друг друга, и теперь уже нельзя не замечать движений за равенство женщин, мигрантов, национальных и сексуальных меньшинств, за права молодежи, а также маргинальных слоев населения. Приметой времени Маклюэн называет отвращение к внушаемой норме, к «насаждаемым образцам» [8, с. 7–8].

Электрическая технология интегральна и децентралистична, а потому формирует человека с такими же ментальными установками: он стремится к холистическому видению мира, который вместе с пребывающими в нем людьми выглядит как сеть с относительно независимыми «узлами». «То, что одна вещь следует за другой, ровным счетом ничего не объясняет, – полагает Маклюэн. – Из следования не следует ничего, кроме изменения. А потому величайшее из всех обращений произошло с пришествием электричества, которое положило конец последовательности, сделав вещи мгновенно-одновременными. С мгновенной скоростью причины вещей вновь стали доходить до осознания, чего не было, когда вещи расставлялись в последовательный ряд и, соответственно, составляли цепочку. Вместо вопрошания том, что появилось раньше, курица или яйцо, внезапно пришло на ум, что курица – это план яйца по приумножению яиц» [8, с. 14–15].

Как и любая иная технология, технология электрическая – и, скажем мы, в особенности электронная – как бы гипнотизирует человека, вынуждая не замечать себя, поэтому это эпоха бессознательного и апатии, но, что совсем поразительно, еще и осознания бессознательного. Электрический человек служит электрическим средствам массовой коммуникации (и уж тем более – компьютерным устройствам) столь же усердно, как ранее он служил своей рыбацкой лодке или типографии, но существует одно радикальное отличие: электрическая (и электронная) технология – не частична и фрагментарна, а тотальна и инклюзивна [8, с. 68]. Все виды занятости оказываются оплачиваемым обучением, а владеет миром тот, кто владеет информацией, которая становится главным товаром.

В справедливости последних двух предсказаний мы сегодня можем убедиться наглядно. Изменилась производственная сфера и рынок труда, вслед за ними меняются программы вузов. «Не нужны стали специалисты, ориентированные лишь на устойчивую, постоянно востребованную специальность, а нужны стали люди, с одной стороны, по-прежнему владеющие такой специальностью, но с другой – и в большей степени – готовые ориентироваться на постоянно меняющийся рынок труда на основе способности быстро и точно реагировать на социокультурную и общественную атмосферу. Изменение рынка труда в большой степени происходит за счет роста непроизводственных видов деятельности, их растущей востребованности и, соответственно, растущей зарплаты – торговли, услуг и обслуживания, бюрократии и т.д. В сущности, реформа вузов в этом направлении уже произошла. Об этом говорит нежелание подавляющего большинства выпускников работать по специальности, ибо состояние рынка труда дает им возможность прежде всего стремиться к более высоким денежным вознаграждениям» [4, с. 81]. Эти процессы несколько по-разному протекают в западных странах и в России, однако имеют сходный характер.

Какая же область подвержена наибольшим изменениям при появлении нового медиа? Можно было бы думать, что это слух при аудиальной цивилизации, зрение – при культуре визуальной, но это не так. Это системное преобразование соотношения органов чувств: «наибольшему воздействию при оперировании общества новой технологией подвергается отнюдь не надрезанная область. Область надреза

и прямого воздействия нечувствительна. Изменению подвергается вся система. Воздействие радио является визуальным, воздействие фотографии – слуховым. Каждое новое давление вызывает сдвиги в пропорциях между всеми чувствами. Что мы ищем сегодня, так это средство контроля над этими сдвигами в чувственных пропорциях психического социального мировосприятия либо средство избежания этих сдвигов вообще. Болеть без симптомов значит обладать иммунитетом. Еще ни одно общество не обладало достаточными знаниями о своих действиях, чтобы развить иммунитет к своим новым расширениям, или технологиям» [8, с. 76]. Электронная эпоха, по мнению философа, – как раз самое время для такого познания и программирования. При этом бессмысленно из одного медиа критиковать другое: книжный человек не умеет спорить с иллюстрациями, а симфонию не пересказать словами. Чтобы овладеть умением управлять, необходимо войти в новые средства массовой коммуникации, подобно тому, как научиться плавать можно, только войдя в воду.

Маклюэн подчеркивает вынужденность зависимости человека от электрических медиа, причем безотносительно к их «содержанию»: кому-то кажется, что люди свободно избирают сидение в соцсетях, или жизнь в мобильном телефоне, или подстраивание своего домашнего режима под телепрограмму. Но следует понимать, что как только люди отдали свои чувства и нервную систему в эксплуатацию тем, кто желает извлечь из этого приобретения прибыль, они лишились всех своих прав [8, с. 81]. Это, по существу, предвидение новых аддикций – телезависимости, интернет-зависимости, существование которых долго отрицалось западными специалистами.

Грядущее радикально повлияет и на язык. Электронная эпоха предполагает расширение человеческого сознания в глобальном масштабе в невербальной форме, поскольку появится возможность – и сегодня она уже наличествует – мгновенного перевода с одного языка на другой, перевода из одного кода в другой. Следствием этого станет всеобщее понимание и объединение. Следующим шагом, полагает Маклюэн, станет отказ от необходимости и такого перевода: общее космическое сознание в языке нуждаться вовсе не будет [8, с. 90–91]. Пока же электрическая технология «отдает предпочтение инклюзивному и участному устному слову

в противовес специалистскому письменному» [8, с. 92]. Буквы и язык в целом, уверен философ, враждебны единению людей – любопытно, что эта идея явно перекликается с высказанной в 1977 г. Р. Бартом идеей о «языке-фашисте»: «...Язык, как перформация всякой языковой деятельности, не реакционен и не прогрессивен; это обыкновенный фашист, ибо сущность фашизма не в том, чтобы запрещать, а в том, чтобы понуждать говорить нечто» [3, с. 549]. Иначе говоря, письмо и «общепринятая арифметика», с точки зрения Маклюэна, еще сохраняют свое прикладное значение, но их функции будут им исчерпываться, число и буква уже не окажутся способными образовывать универсальные ментальные принципы соотношения и последовательности, как это было в эпоху книгопечатания. И в самом деле, уже сегодня мы видим, например, что люди отвыкли читать более или менее длинные тексты. Это утрата за счет скорости и перехода к клиповому чтению: тексты быстро просматриваются «по диагонали», «кусками», чем обусловлено достаточно поверхностное их восприятие.

Человек эпохи телекоммуникаций, полагает Маклюэн, будет использовать автомобиль только для развлечений, что означает финал эпохи шоппинга, поскольку все покупки будут совершаться посредством новых средств массовой коммуникации, и конец необходимости поездок на работу и с работы, поскольку работа будет вестись из дома (или любого другого места). Электричество обеспечивает возможность дистантной работы. «В электрической структуре ... нет периферий. А следовательно, в ней может быть лишь диалог между центрами и между равными. Пирамиды командных цепочек не могут найти опору в электрической технологии. С приходом электрических средств вместо делегированной власти вновь появляется роль. Теперь человек опять может быть наделен всеми типами невизуальности. Король и император имели законные полномочия действовать как коллективное эго всех частных эго своих подданных. Пока западный человек столкнулся с восстановлением роли лишь предварительно. Он еще ухитряется удерживать индивидов в порученных им *рабочих местах*» [8, с. 311]. Однако все чаще используется именно дистантная форма занятости, что оказывается выгодным и работнику, и работодателю, которому не нужно теперь содержать физические рабочие места. Таким образом, работать в электронном обще-

стве – значит обучаться жизни в условиях новых технологий и исчезающих различий между работой и досугом, рабочим местом, кафе и домом. Сегодня мы видим, насколько верно Маклюэн уловил эти тенденции полвека назад, когда они казались совершенно фантастическими.

Каким еще образом человек книжный превращается в человека электронного? Под влиянием фотографии и телевидения человек уходит «от *письменной* и частной “точки зрения” в сложный и инклюзивный мир групповой иконы. Именно это и делает реклама. Вместо представления частного аргумента, или частной перспективы, она предлагает образ жизни для каждого или ни для кого. Она предлагает этот ориентир, апеллируя к вещам иррелевантным и тривиальным» [8, с. 262]. Электронные средства массовой коммуникации также представляют собой своеобразное зеркало, в котором пользователь видит себя, любит себя и производит некие действия, иногда фиктивные, а иногда – более эффективные, чем действия при помощи традиционных медиа. Появление телевидения взрывает линейность: устаревают конвейер в промышленности и линейные иерархии в организационных структурах, теряет популярность бейсбол, индивидуалистическая игра, в которой происходит «одна-вещь-в-один-момент», уступая место футболу, баскетболу, хоккею на льду, где в действие вовлечена одновременно вся команда и происходит много событий в одно время [8, с. 272–273]. Телевидение сформировало «тактильные» образцы, щетинистые и скульптурные, в одежде, прическах, жестике, музыке. Оно создает прерывную мозаичную культуру, которая асимметрична и нелинейна. Телевидение не выносит высокоопределенных образов людей, о которых однозначно можно сказать, какое место в обществе они занимают, и в этом смысле оно диктует более демократические установки, чем письменная культура. Пишущая машинка, телефон, автомобиль сыграли демократизаторскую роль в США. В этом смысле телефон агрессивен: он впускает в высокие кабинеты или личное пространство очень разных людей (в результате сегодня абоненты стремятся ограничить количество тех, кому доступны их номера). Телефон к тому же требует полного участия, и люди сердятся, когда абоненту уделяют рассеянное внимание; в конце концов, в электронную эпоху большинство телефонных абонентов разгова-

ривают по мобильным устройствам с погружением в разговор, из-за чего во многих странах введены запреты на такие разговоры, например, за рулем. Разговаривая по телефону, многие испытывают потребность что-то рисовать – в этом философ видит свидетельство того, что это медиа требует участия многих чувств. Выход в невизуальное слуховое пространство обеспечивается всеми электрическими средствами массовой коммуникации. Так, этот выход осуществляется телеграфом, который перевел письмо в звук; телефоном, представляющим собой «речь без стен»; звукозаписывающими устройствами – концертными залами без стен; фотографией – «музеем без стен»; электрическим светом – «пространством без стен»; кино, радио и телевидением, которые могут быть «классными комнатами без стен».

Говоря о глобальной деревне, философ указывает на то, что электрическая технология приводит людей к сплоченности деревенской жизни [8, с. 126], однако из дальнейших пояснений автора можно сделать вывод, что имеется в виду скорее не солидарность сетевых людей, а близость дистанций их взаимного существования. В других местах анализируемых нами трудов, а также в более поздних своих работах и интервью он подчеркивает, что обитателей мировой деревни вследствие большого разнообразия личностей и групп (единообразия, как полагал Маклюэн, формируется уходящей в Лету книжной культурой) ожидает «максимально возможное несогласие по всем пунктам» [12]. Гармонии он не обещает. Напротив, он говорит, что в глобальной деревне будет больше злобы и зависти, вражды и борьбы, поскольку она порождает гораздо больше распрей, чем любой когда-либо существовавший национализм. Деревня сама по себе – это постоянное и глубинное разделение, а вовсе не слияние и солидарность, полагает философ. Если судить по современным нам событиям в мире, то уже не раз констатировалась ситуация радикального слома прежнего мирового устройства, что очевидным образом происходит с начала 1990-х гг.: практически игнорируются все международные договоренности, достигнутые после Второй мировой войны, – как о нерушимости послевоенных границ, так и о самих принципах международных отношений. Количество и острота «горячих» конфликтов таковы, что мир оказался на грани новой мировой войны. Внутренняя жизнь многих стран часто похожа на

гражданскую войну, которая лишь обостряется, но никак не идет к миру. Победит ли такая «глобальная деревня», в которой отдельные «дворы» воюют со всеми другими, чем «деревня» наносит вред себе, или все-таки восторжествует объединяющее мир «космическое сознание», покажет будущее. Пока очевидно, что с ответственностью в этом тесном мире дело обстоит из рук вон плохо, как и с заменой индивидуализма групповой солидарностью, которую обещает Маклюэн.

Перед электронным человеком остро стоит проблема идентичности. Кто-то намеренно меняет маски и устраивает сетевой театр, а кто-то ищет и иногда находит единомышленников или даже супругов или сексуальных партнеров – но в ситуациях, требующих настоящей поддержки, «френды» и «фолловеры» чаще всего куда-то исчезают, придуманные образы никак не совпадают с реальными, и нередко выясняется, что в погоне за виртуальными привязанностями с их «лайками» люди лишают себя реальной дружбы и человеческой близости. Было бы трудно отрицать временную терапевтическую роль соцсетей, если бы дело ограничивалось только ею и не перерастало в аддикции. Электронная эра потребует от человека отказа от индивидуализма, полагал философ. Но при этом, как это видно уже сейчас, в первой четверти XXI в., людям станет необходима особая идентичность; так, на основе прежних вкусов пользователя с помощью программного обеспечения ему предлагаются собственные телепрограммы и стримы, музыкальные альбомы и кинофильмы; такой пользователь попадает в некие воображаемые сообщества, где кроме него есть и другие пользователи со сходными предпочтениями. Данное сочетание уникального и тиражируемого возможно, поскольку уже во времена Маклюэна автоматизация была «близка к тому, чтобы производить со скоростью и дешевизной конвейерной линии уникальное и скроенное по индивидуальному заказу. Автоматизация способна изготовить на заказ автомобиль или пальто с меньшей суетой, нежели, когда мы производили их стандартизированные аналоги. Но уникальный продукт не может циркулировать на нашем рынке и в нашей системе распределения. А потому мы вступаем в самый революционный период как в области маркетинга, так и в любой другой области» [8, с. 253]. Сетевые люди потребуют обеспечения уникальности и разнородности,

и прежде всего это касается различных меньшинств.

Электронный человек является кочевником, только собирает он теперь не пищу, а информацию. Идея нового человека-номада оказалась очень популярна среди современников Маклюэна и более поздних мыслителей – о нем писали, например, Ж. Аттали, а также Ж. Делёз и Ф. Гваттари, предложившие свое мировидение под названием «номадология» с отказом от принципа бинарности и линейного детерминизма. Номады, согласно Делёзу и Гваттари, образуют особые культуры, противостоят государству и вообще всякой центрирующей силе. Очевидно, что корни самой номадологии можно увидеть в идеях Маклюэна об электронном обществе и электронном человеке.

В более поздней работе Маклюэна «Война и мир в глобальной деревне» (1968 г.) человек, окруженный компьютерами и использующий их, сравнивается с субъектом, производящим самоампутацию и испытывающим от этого боль, которую медики называют отраженной, опосредованной, поскольку компьютер – более сложное продолжение центральной нервной системы, чем обычные электрические медиа. При этом, если в эпоху Гутенберга мечта и сон представлялись лучшим времяпрепровождением, в то время как реальность – фрагментарная и специализированная, разорванная и частичная – виделась отвратительной, то в электрическую эпоху люди, вовлеченные в существование друг друга, могут объединяться на многих уровнях и наслаждаться прежде неслыханной полнотой жизни. Безусловно, это так, однако люди здесь объединяются также и на агрессивных, антисоциальных, девиантных основаниях, и в этом состоят высокие риски новой технологии.

Коротко соотношение человека и технологии философ резюмирует в следующем пассаже: «С физиологической точки зрения, человек в ходе обычного применения технологии (то есть своего всевозможными способами расширенного тела) постоянно модифицируется ею и, в свою очередь, находит все новые и новые способы ее дальнейшего совершенствования. Человек превращается, так сказать, в органы размножения машинного мира – подобно пчеле, выполняющей подобную роль в растительном мире, – позволяющие ему размножаться и постоянно развивать все новые и новые формы» [8, с. 56].

Электронный (сетевой, экологический) человек, с точки зрения М. Маклюэна, – это тип человека, как бы возвращающийся к типу племенного аудиотактильного человека, но прошедший опыт книгопечатной цивилизации. Этот глубоко вовлеченный в жизни других людей и в течение окружающей жизни человек обитает в инклюзивной реальности глобальной деревни, что невероятно повышает его ответственность, а если он окажется не готов к этой ответственности, его ждут трагические времена, полагает философ. История теперь видится сетевому человеку нелинейно, каузальность выглядит как динамика сил, а не однолинейные причинно-следственные связи. В будущем обществе отменяется всякая специализация и складывается культ ювенильности. Место экспертов с подтвержденной их трудами репутацией занимают «звезды виртуала». Новый человек чрезвычайно самонадеян, ориентируясь на славу тех, кто уже стал известен и зачастую достиг своего положения без профессиональных умений и тяжелого труда. Мнение занимает место истины, которая отменяется в эпоху постправды через наиболее «холодные», высокоучастные средства массовой коммуникации – телевидение и интернет. Электронные люди обладают способностью решать одновременно несколько задач, но нередко отличаются поверхностностью, поспешностью, утрачивая навыки, которыми прежде люди обладали сами и которые теперь передоверили компьютеру.

По мнению Маклюэна, человек будущего живет одновременно во множестве культур, плюралистично. Практически теряют значимость традиционные пространство и время, сменяясь дискретностью и одновременностью. Сетевой человек не признает приватности и любых тайн. Сетевые связи способны как эффективно интегрировать людей, так и эффективно разделять их на враждебные лагеря. Сетевому сообществу легче восстановить свои связи, нежели сообществу, организованному по принципу «центр – периферия», поскольку утраченные «узлы» регенерируются проще и быстрее, из чего вытекает потребность научиться управлять этими процессами, иначе, предупреждает философ, настанут тяжелые времена.

Радикально меняется буквенная и числовая культура, возникает человек «да-нет». Стирается грань между автором и читателем, режиссером или оператором и зрителем, между профессиональными исполнителями и дилетантами,

т.е. между автором и аудиторией в целом. Такая ситуация чрезвычайно расширяет творческие возможности людей, но во многих случаях под давлением низких массовых вкусов ясно видна деградация критериев оценки.

Сетевой человек испытывает отвращение к норме как таковой, поскольку она «устарела», ибо выработана книжной культурой, и стремится к холистическому мировосприятию. Субкультуры меньшинств и маргинальных слоев становятся важным аспектом развития социума. Занятость населения оказывается непрерывным обучением, прежде всего – грамотному обращению с информацией.

У сетевого человека происходит системное преобразование органов чувств, уверен философ. Это может иметь очень разные последствия, в т.ч. и формирование зависимости от электрических и электронных медиа, которые, независимо от контента, сами по себе вырабатывают устойчивую потребность аудитории все продолжать и продолжать смотреть и слушать то, что они предлагают.

В электронном обществе происходит расширение человеческого сознания в глобальном масштабе в невербальной форме, пророчит Маклюэн. Закончится эра физического посещения магазинов и хождения на работу, ибо покупать будут через заказы, а работать можно будет откуда угодно, и все это с помощью электронных медиа. Принципы новых средств массовой коммуникации – асимметричность, нелинейность, демократичность и др. – моделируют соответствующие качества ментальности и психологии человека и обеспечивают выход в невизуальное аудиальное пространство.

Вопрос о том, будет ли новый человек солидарен с себе подобными или разразится всеобщая война, остается нерешенным: потенциально возможны оба варианта, и исход дела зависит от того, научится ли человек управлять медиа или же будет по-прежнему пребывать под их гипнозом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельская И.Б. Влияние творчества Джеймса Джойса на теорию масс-медиа Маклюэна // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 9. С. 54–67.
2. Асмолов А. Наши дети находят-ся в ситуации информационной социализации (интервью). URL: <https://asmolovpsy.ru>

[ru/2022/10/10/nashi-deti-nahodyatsya-v-situaczii-informacionnoj-soczializaczii/](https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/nashi-deti-nahodyatsya-v-situaczii-informacionnoj-soczializaczii/)

3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
4. Кнабе Г.С. Об опыте преподавания семиотики культуры на отделении магистратуры // Памяти Г.С. Кнабе. Кн. 2. Харьков, 2014. С. 81–86.
5. Кнабе Г.С. Знак. Истина. Круг. (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна) // Лотмановский сборник. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 266–277.
6. Кнабе Г.С. Жажда тождества. Культурно-антропологическая идентификация. Вчера. Сегодня. Завтра. М.: РГГУ, 2003.
7. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003.
9. Фрумкин К., Асмолов А. Отсутствие смысла стало страшнее смерти. URL: <https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/otsutstvie-smysla-stalo-strashnee-smerti/>
10. Чумакова В.П. Концепция Герберта Маршалла Маклюэна: медиа в социокультурной динамике: дисс. ... канд. культурологии. М., 2015.
11. Gordon, W.T., 1997. Marshall McLuhan: escape into understanding. Toronto: Stoddart.
12. Stearn, G. ed., 1967. McLuhan: hot and cool. New York: The New American Library, Inc.

REFERENCES

1. Arkhangel'skaya, I.B., 2007. Vliyanie tvorchestva Dzheimsa Dzhoisa na teoriyu mass-media Maklyuena [The influence of James Joyce's work on McLuhan's mass media theory], Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, no. 9, pp. 54–67. (in Russ.)
2. Asmolov, A. Nashi deti nakhodyatsya v situatsii informatsionnoi sotsializatsii (interv'yu) [Our children are in the situation of information socialization (an interview)]. URL: <https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/nashi-deti-nahodyatsya-v-situaczii-informacionnoj-soczializaczii/> (in Russ.)
3. Barth, R., 1989. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. (in Russ.)
4. Knabe, G.S., 2014. Ob opyte prepodavaniya semiotiki kul'tury na otdelenii magistratury [On

- the experience of teaching semiotics of culture at a master's degree program]. In: Pamyati G.S. Knabe. Kn. 2. Kharkov, 2014, pp. 81–86. (in Russ.)
5. Knabe, G.S., 1995. Znak. Istina. Krug. (Yu.M. Lotman i problema postmoderna) [Sign. Truth. Circle. (Juri Lotman and the problem of postmodern)]. In: Lotmanovskii sbornik. Moskva: ITs-Garant, 1995, pp. 266–277. (in Russ.)
6. Knabe, G.S., 2003. Zhazhda tozhdestva. Kul'turno-antropologicheskaya identifikatsiya. Vchera. Segodnya. Zavtra [Thirst for identity. Cultural and anthropological identification. Yesterday. Today. Tomorrow]. Moskva: RGGU. (in Russ.)
7. McLuhan, M., 2005. Galaktika Gutenberga. Sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury [The Gutenberg galaxy: the making of typographic man]. Kiev: Nika-Tsentr. (in Russ.)
8. McLuhan, M., 2003. Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding media: the extensions of man]. Moskva; Zhukovskii: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. (in Russ.)
9. Frumkin, K. and Asmolov, A. Otsutstvie smysla stalo strashnee smerti [The absence of meaning became scarier than death]. URL: <https://asmolovpsy.ru/2022/10/10/otsutstvie-smysla-stalo-strashnee-smerti/> (in Russ.)
10. Chumakova, V.P., 2015. Kontseptsiya Gerberta Marshalla Maklyuena: media v sotsiokul'turnoi dinamike. Konceptsiya Gerberta Marshalla Maklyuena: media v sociokul'turnoj dinamike [Herbert Marshall McLuhan's concept: media in sociocultural dynamics], dissertatsiya kandidata kul'turologii. Moskva. (in Russ.)
11. Gordon, W.T., 1997. Marshall McLuhan: escape into understanding. Toronto: Stoddart.
12. Stearn, G. ed., 1967. McLuhan: hot and cool. New York: The New American Library, Inc.

*Статья поступила в редакцию 02.08.2024;
рекомендована к печати 20.08.2024*

